Astoria L. Jonson

Между небом

и пеплом

Ангел. Демон.
Три испытания ради запретной любви.

Роман

Астория Л.Джонсон
Между небом и пеплом

https://litres.ru/74750747
SelfPub; 2026

Аннотация

Между небом и пеплом
Astoria L. Jonson

Небо и Преисподняя больше не могут судить людей, и тогда они подписывают договор. Отныне пары из ангела и демона будут отправляться на Землю разбирать дела, в которых не может разобраться ни одна из сторон. Но в договоре, мелким шрифтом, есть пункт: напарникам запрещено влюбляться, иначе их разлучат навечно.

Ангелица утешения Лиора и уставший демон-искуситель Кайрен вместе распутывают человеческие судьбы. Среди них отчаявшийся пекарь, юная скрипачка с пьющим отцом и судья, который никогда никого не прощал. Пока они работают вместе, Лиора и Кайрен влюбляются друг в друга.

Их приговаривают к вечной разлуке, но дают один шанс: пройти три невозможных испытания от Неба и Ада. Последнее потребует спуститься туда, куда не ступал ни один ангел.

Это роман о любви, прощении и о границе, на которой встречаются свет и тьма.

Содержание

Между небом и пеплом 5
Пролог. Договор о Пограничных делах 6
I. Архивы 6
II. Бухгалтерия 9
III. Серый зал 11
IV. Сорок дней 13
V. Последняя ночь 16
Глава 1. Напарники поневоле 18
I. Третий хор 18
II. Второй круг 22
III. Спуск 26
IV. Кафе «Полночь» 30
V. Правила 33
VI. Папка 37
VII. Первая ночь 40
Глава 2. Дело о пекаре 43
I. Шесть утра 43
II. Обитатели дома номер семь 47
III. Спор у фонаря 50
IV. Сон 53
V. Задняя дверь 56
VI. Человек с замороженным тестом 59
VII. Журналистка 63

VIII. Ночь с пятницы на субботу 66
IX. Суббота 71
X. Отчёт 73
Глава 3. Дождь над мостом 76
I. Дело студентки 76
II. Город 82
Конец ознакомительного фрагмента. 85

Астория Л.Джонсон
Между небом и пеплом

Между небом и пеплом

Пролог. Договор о Пограничных делах

I. Архивы

Никто в Небесной Канцелярии не помнил, кто первым предложил эту идею. В Преисподней тоже предпочитали делать вид, что не помнят. Но если бы кто-нибудь всё же взялся восстановить ход событий, ему пришлось бы начать не с великих залов и не с тронов, а с самого незаметного места во всём мироздании — с архива спорных дел.

Архив Неба располагался в западном крыле Канцелярии, там, где свет становился чуть мягче и чуть желтее, как в старых библиотеках ранним вечером. Когда-то это была небольшая комната с тремя стеллажами. Туда попадали редкие, по-настоящему запутанные случаи: человек спас город, но ради этого предал друга; человек солгал под пыткой, но спас этим жизнь ребёнка. Такие дела рассматривались неторопливо, веками, и каждое было событием.

Теперь стеллажи уходили за горизонт.

Ангел-регистратор Офаниил служил в архиве с самого его основания. Он был невысок, сутуловат — насколько может быть сутулым существо из света — и носил на носу малень-

кие круглые очки, которые ему были совершенно не нужны, но которые он однажды увидел у человеческого библиотекаря и с тех пор не снимал. Офаниил любил порядок. Он любил, когда папка ложится на полку с тихим, удовлетворённым шелестом, а на корешке аккуратно выведено: «Праведен» или «Грешен», и больше не нужно ни о чём думать.

В последнее столетие на корешках всё чаще появлялось одно и то же слово. «Спорно».

Офаниил вздыхал, ставил штамп и относил папку на всё более дальние полки. Иногда, чтобы дойти до свободного места, ему приходилось лететь несколько часов. Однажды он заблудился среди стеллажей и провёл там три дня, питаясь, если можно так выразиться, светом из окон и читая чужие жизни.

Именно тогда, в те три дня, Офаниил впервые по-настоящему прочитал дела, которые раньше только сортировал.

Вот женщина по имени Нгози. Она работала медсестрой в маленькой больнице, где не хватало лекарств. Однажды ночью она украла из запертого шкафа ампулы, предназначенные для богатого пациента, и отдала их мальчику, который умирал от инфекции. Богатый пациент выздоровел и без них. Мальчик выжил. Нгози уволили. До конца жизни она считала себя воровкой.

Вот мужчина по имени Хироси. Его мать умирала и всё спрашивала, жив ли её младший сын, ушедший много лет назад и пропавший без вести. Хироси знал, что брат погиб.

Он сказал матери: «Он звонил. Он скоро приедет. Он передаёт, что любит тебя». Мать умерла с улыбкой. Хироси никогда себе этого не простил.

Вот подросток по имени Лукас. Старший парень из соседнего двора месяц изводил его младшую сестру. Лукас подкараулил его и сломал ему нос. Той же ночью он плакал в подушку, потому что ненавидел насилие и ненавидел себя.

Офаниил читал, и его очки запотевали изнутри — что, вообще говоря, невозможно, потому что ангелы не потеют и не плачут. Когда его наконец нашли и вывели из лабиринта стеллажей, он написал первую в истории архива служебную записку. В ней было всего одно предложение:

«Мы больше не понимаем людей».

II. Бухгалтерия

В Преисподней дела обстояли не лучше, хотя там об этом никто не писал записок. Там швырялись папками.

Отдел учёта душ занимал три этажа в одной из бесконечных башен второго круга. Стены там были из чёрного базальта, тёплого на ощупь, а вместо окон тянулись узкие щели, сквозь которые снизу пробивалось оранжевое зарево. Демоны-счетоводы сидели за длинными столами и вели огромные гроссбухи, переплетённые в кожу неизвестного происхождения. Каждый гроссбух вздыхал, когда его открывали.

Старшим счетоводом был демон по имени Мардук-Седьмой. Первые шесть Мардуков не выдержали нагрузки и были переведены в котельную, и седьмой очень не хотел повторять их судьбу. Он был толст, рогат и носил жилет с цепочкой от часов, в которых вместо цифр были изображены семь смертных грехов.

— Опять! — ревел Мардук-Седьмой, потрясая очередной папкой. — Опять «намерения добрые, поступок дурной»! Куда я должен это записать? В графу «прибыль» или в графу «убыток»?

Младшие счетоводы втягивали головы в плечи. Никто не знал, куда это записать.

Проблема Ада была зеркальной проблеме Неба. Там, наверху, не знали, кого прощать. Здесь, внизу, не знали, ко-

го забирать. Души, которые по всем правилам должны были стать собственностью Преисподней, вдруг оказывались слишком… человечными. В последний момент они раскаивались. Или совершали что-то странное и бескорыстное. Или — что было хуже всего — их грехи оказывались совершены из любви.

— Любовь, — бормотал Мардук-Седьмой, листая гроссбух. — Это невозможно учитывать. Её нельзя взвесить. Её нельзя оценить. Она портит всю отчётность.

Однажды, после особенно тяжёлого квартала, он швырнул папку с такой силой, что она пробила базальтовую стену и улетела куда-то в зарево. Пока её искали, Мардук-Седьмой сидел, обхватив рогатую голову руками, и впервые за свою долгую жизнь думал не о цифрах, а о том, что, возможно, сама система устроена неправильно.

Эту мысль он, разумеется, никому не высказал. Но через неделю на стол главы Синклита, древнего демона Белзароха, легла докладная записка с пометкой «совершенно секретно». В ней тоже было всего одно предложение:

«Без помощи с той стороны мы не справимся».

III. Серый зал

Встреча была назначена на нейтральной земле.

Нейтральная земля не принадлежала никому. Её не создавали ни Небо, ни Преисподняя, и, может быть, именно поэтому там ничего не было. Только огромный зал с невидимыми стенами, теряющимися в тусклой мгле, и бесконечно длинный стол из материала, который не был ни деревом, ни камнем, ни металлом. Свет там не падал ниоткуда. Тени не ложились никуда. Даже звуки звучали приглушённо, будто сам воздух не хотел никому подыгрывать.

Делегации прибыли одновременно, минута в минуту, потому что ни одна сторона не желала ждать другую.

С Неба спустились шестеро. Впереди шёл старший серафим Азариил: высокий, прямой, с шестью крыльями, сложенными так аккуратно, что они казались частью одеяния. Его лицо было совершенным и спокойным, как мраморная статуя, и так же мало выражало. За ним следовали херувим-законник, два престола из Совета Справедливости, ангел-историк и, к собственному удивлению, Офаниил с его ненужными очками. Его взяли, потому что он лучше всех знал архив.

Из Преисподней поднялись шестеро. Впереди, опираясь на посох из окаменевшего пламени, шёл Белзарох. Он был стар — старше многих звёзд — и его кожа напоминала по-

трескавшуюся лаву, под которой ещё тлел огонь. Его глаза были похожи на два угля в пепле. За ним шли демон-юрист с тремя языками, два князя нижних кругов, демоница-летописец и Мардук-Седьмой, который всю дорогу нервно поправлял жилет.

Они расселись по разные стороны стола. Долго молчали.

Посередине, на возвышении, стояли два кресла под тяжёлым занавесом. Все знали, кто в них сидит. Председатели. Один — от Неба, другой — от Преисподней. Никто из присутствующих никогда не видел их лиц. Говорили, что они не показываются уже десять тысяч лет. Говорили, что они вообще не существуют и занавес скрывает пустоту. Но когда Азариил наконец открыл рот, чтобы начать, из-за занавеса прозвучало негромкое:

— Начинайте.

И все вздрогнули.

IV. Сорок дней

Переговоры длились сорок дней и сорок ночей, хотя ни дней, ни ночей в сером зале не существовало. Время отмечали по свечам: каждая сторона поставила на стол свою. Небесная свеча горела ровным белым пламенем, адская — неровным красным, и они сгорали ровно за сутки.

Первые десять свечей ушли на взаимные обвинения.

— Вы искушаете их слишком изощрённо, — говорил херувим-законник. — Люди не успевают понять, где добро, где зло.

— А вы слишком легко их прощаете, — отвечал трёхязыкий демон-юрист, и все три его языка говорили одновременно, но слегка разными голосами. — Они привыкли, что за любым грехом следует утешение.

Следующие десять свечей ушли на статистику. Офаниил и Мардук-Седьмой, к удивлению обеих делегаций, быстро нашли общий язык. Они сидели в углу стола, обложенные папками и гроссбухами, и сравнивали цифры. Выяснилось, что спорных дел на Небе и в Аду почти одинаковое количество. Выяснилось, что во многих случаях это одни и те же люди: Небо считало их недостаточно праведными, а Ад — недостаточно грешными.

— Они ничьи, — сказал Офаниил, снимая очки.

— Они общие, — поправил его Мардук-Седьмой, и сам

испугался собственных слов.

На двадцать первую свечу кто-то впервые предложил работать вместе. До сих пор неизвестно, кто это был. Ангел-историк утверждал, что это сказала демоница-летописец. Демоница-летописец клялась, что это был ангел-историк. Возможно, они сказали это одновременно.

Следующие пятнадцать свечей ушли на то, чтобы превратить идею в закон.

Решили так. В мир людей будут отправляться пары: один ангел и один демон. Пары получат спорные дела и будут разбираться в них на месте, среди людей, в человеческом облике. Ангел будет смотреть на дело глазами Неба, демон — глазами Преисподней. Их общее заключение станет окончательным, и ни одна сторона не сможет его оспорить.

Спорили о каждом слове. Сколько дел в год? Какие силы разрешены? Можно ли творить чудеса? Можно ли насылать соблазны? Что делать, если агенты не договорятся? Что делать, если один из них попытается обмануть другого?

На тридцать шестую свечу трёхязыкий юрист поднял вопрос, о котором до сих пор никто не думал.

— А что, если они… сблизятся?

В зале повисла тишина. Потом Азариил негромко рассмеялся — впервые за все переговоры.

— Ангел и демон? — сказал он. — Это невозможно. Наша природа противоположна. Свет и огонь не смешиваются.

— И всё же, — настаивал юрист. — Чтобы не было со-

блазна.

Так в Договоре появился пункт 77-бис. Его написали быстро, почти не обсуждая, в самом конце, мелким шрифтом:

«Агентам строжайше запрещается вступать в отношения, выходящие за пределы служебного сотрудничества. Нарушение карается разлучением навечно».

Писари обеих сторон посмеялись над этим пунктом. Офаниил тоже улыбнулся, а Мардук-Седьмой хмыкнул в усы. Это казалось такой же нелепостью, как требование к огню не дружить с водой.

V. Последняя ночь

На сороковую ночь обе свечи догорели почти одновременно. Документ был готов. Подписание назначили на утро — точнее, на то, что в сером зале называли утром.

Делегации разошлись по своим шатрам: белому и чёрному, стоявшим на разных краях нейтральной земли. Стол опустел. Только занавес над двумя креслами слегка колыхался, хотя никакого ветра там не было.

Если бы кто-нибудь задержался в зале, он увидел бы, как занавес медленно раздвигается. Как из-за него выходят две фигуры — одна с крыльями, в которых давно поседело серебро, другая с крыльями, на которых едва мерцало старое, почти угасшее золото. Как они подходят к столу. Как первая берёт перо и что-то дописывает в самый конец Договора, сразу после пункта 77-бис. Как вторая кладёт ладонь ей на плечо — осторожно, словно боится, что прикосновение исчезнет.

Но никто не задержался. Офаниил спал в белом шатре, положив очки на стопку папок. Мардук-Седьмой храпел в чёрном шатре, и цепочка от часов поднималась и опускалась на его животе.

Утром Договор подписали. Двенадцать подписей легли на последнюю страницу: шесть светлых, шесть тёмных. Никто не перечитывал документ перед подписанием — все слиш-

ком устали и слишком хорошо помнили каждое слово, о котором спорили.

Поэтому никто не заметил, что после пункта 77-бис появился ещё один. Совсем короткий. Написанный двумя почерками сразу.

В Небесной Канцелярии этот документ стали называть Договором о Пограничных делах. В Преисподней — просто Бумагой.

А через несколько месяцев в мир людей отправились первые пары.

Среди них были ангелица по имени Лиора и демон по имени Кайрен.

Они ещё ничего не знали ни о пункте 77-бис, ни о том, что было написано после него.

Глава 1. Напарники поневоле

I. Третий хор

Лиора пела в третьем хоре три тысячи сто сорок два года.

Если спросить ангела, что такое хор, он, скорее всего, не сможет объяснить. Это не просто пение. Это способ существования. Когда хор поёт, каждый голос перестаёт быть отдельным и становится частью чего-то огромного, как капля становится частью волны. Звук поднимается вверх, расходится кругами, касается звёзд — и где-то далеко внизу, на Земле, человек, который не спал всю ночь у кровати больного ребёнка, вдруг чувствует, что ему стало чуть-чуть легче. Он не знает почему. Ему кажется, что просто наступило утро.

Это и было работой третьего хора. Утешение. Не спасение, не чудо, не защита — просто небольшое облегчение в тот момент, когда кажется, что больше нельзя.

Лиора любила свою работу. Она любила тот миг, когда её голос сливался с другими, и она переставала думать о себе. Она любила возвращаться после пения в свою маленькую обитель на краю облачного сада, где росли деревья с серебристыми листьями и где по вечерам — если на Небе вообще бывают вечера — было слышно, как далеко внизу шумит

человеческий мир.

Иногда она подолгу сидела на краю сада, свесив ноги в пустоту, и смотрела вниз. Отсюда люди казались крошечными огоньками: каждый светился своим цветом. Тёплым жёлтым светились те, кто любил. Холодным синим — одинокие. Тусклым серым — те, кто перестал надеяться. Лиора выбирала самые серые огоньки и пела для них отдельно, тихо, вне хора, хотя это было не совсем по правилам.

Она никогда не задавалась вопросом, почему огоньки гаснут. Почему людям так часто бывает плохо. Почему мир, созданный с такой любовью, полон боли. Ей говорили: утешай. Она утешала. Ей казалось, что этого достаточно.

В то утро, когда всё изменилось, она как раз вернулась с пения и собиралась немного посидеть на краю сада. Но у ворот её обители стоял архангел Тамиэль.

Тамиэль был её наставником ещё с тех времён, когда Лиора только училась держать ноту. Он был высоким, седовласым, с лицом, на котором вечно лежала лёгкая тень заботы, будто он постоянно что-то подсчитывал в уме. В руках он держал свиток, перевязанный белой лентой.

— Лиора, — сказал он. — Нам нужно поговорить.

Они сели под серебристым деревом. Тамиэль долго молчал, разглаживая свиток на коленях.

— Ты слышала о Договоре? — спросил он наконец.

— Немного. — Лиора пожала плечами. — Говорят, Небо о чём-то договорилось с… с той стороной.

Она не смогла заставить себя произнести слово «Преисподняя». Ангелы третьего хора вообще редко его произносили.

— Договорилось, — подтвердил Тамиэль. — О совместной работе. На Землю будут отправлять пары агентов. Ангел и демон. Вместе.

Лиора рассмеялась — коротко, недоверчиво.

— Это шутка?

— Нет. — Тамиэль протянул ей свиток. — Ты в первом списке.

Смех оборвался. Лиора смотрела на свиток так, будто он мог её укусить.

— Почему я? — спросила она. — Я ведь просто пою. Я никогда не работала на Земле. Я не знаю людей вблизи. Я не умею… Я даже не знаю, как разговаривать с демоном!

— Именно поэтому, — мягко сказал Тамиэль. — Совет решил, что нужны те, кто умеет слушать. Не судить, не карать, не спасать любой ценой. Слушать. Ты три тысячи лет слушаешь самые тихие огоньки внизу. Ты знаешь о человеческом горе больше, чем многие серафимы.

Он помолчал и добавил тише:

— И ещё потому, что я сам предложил тебя. Ты часто смотришь вниз дольше, чем нужно. Я давно это заметил. Мне кажется, ты хочешь понять что-то, чего не можешь понять отсюда.

Лиора опустила глаза. Она не знала, что кто-то это заме-

чал.

— А если я откажусь?

— Ты можешь отказаться. — Тамиэль поднялся. — Но подумай, Лиора. Там, внизу, сейчас сотни людей, о которых ни Небо, ни Преисподняя не могут решить, кто они. Их дела лежат в архиве годами. Они ждут. Кто-то должен к ним прийти.

Он ушёл, оставив свиток у неё на коленях.

Лиора просидела под деревом до тех пор, пока на Небе не наступило то, что можно было бы назвать ночью. Потом развязала белую ленту.

В свитке было всего несколько строк. Место встречи. Время. Номер первого дела. И имя напарника.

Кайрен. Отдел искушений. Второй круг.

Она перечитала это имя много раз, пробуя его на вкус. Оно было резким, как треск сухой ветки в огне.

II. Второй круг

Кайрен ненавидел совещания.

В этом он, вероятно, не отличался от большинства демонов, но у него были свои причины. Совещания в отделе искушений второго круга проходили в зале, где с потолка постоянно капала горячая смола. Не сильно — просто чтобы никто не расслаблялся. За века Кайрен выработал привычку садиться ровно под тем местом, где капля падала реже всего, но сегодня его место занял новенький — щуплый бесёнок с ещё не прорезавшимися рогами, — и Кайрену пришлось сесть у двери, где капало постоянно.

Начальник отдела, демон Вельмор, был существом основательным. Он напоминал огромную жабу в дорогом костюме и говорил медленно, смакуя каждое слово, как будто оно было сладким.

— Итак, — протянул Вельмор, — Синклит подписал… эм… соглашение. С теми, наверху.

По залу прокатился смешок. Кто-то фыркнул. Кто-то сделал вид, что его тошнит.

— Тихо, — сказал Вельмор, и стало тихо. — Это не шутка. Это приказ Белзароха лично. Нам нужно выделить агентов. Лучших. Тех, кто знает людей. — Он обвёл зал взглядом выпуклых жёлтых глаз и остановил его на Кайрене. — Кайрен. Встань.

Кайрен встал. Капля смолы шлёпнулась ему на макушку. Он даже не поморщился — за тысячи лет это перестало быть больно, осталось только унизительно.

— Ты у нас специалист по тонкой работе, — продолжил Вельмор. — Не по пожарам, не по войнам, а по… ммм… маленьким соблазнам. Лишний бокал. Лишнее слово. Лишний взгляд на чужую жену. Ты хорошо знаешь людей. Ты нам подходишь.

— А если я откажусь? — спросил Кайрен.

Вельмор улыбнулся. Улыбка у него была широкой, на всё лицо, и в ней было много мелких острых зубов.

— Отказаться ты, конечно, можешь, — сказал он. — Но тогда, боюсь, нам придётся пересмотреть твоё место в отделе. В пятом круге, говорят, как раз освободилась должность. Надзиратель болотных душ. Прекрасная работа. Влажная.

Кайрен сел. Вопрос был закрыт.

После совещания он долго бродил по раскалённым улицам второго круга. Здесь всегда было шумно. Демоны торговали чужими страхами в маленьких лавках, бесы гоняли по переулкам потерянные души, из открытых окон доносились крики, смех, звон цепей. Когда-то, в самом начале, Кайрену казалось, что это и есть свобода. Никаких хоров. Никаких правил. Никаких серафимов, которые смотрят на тебя сверху вниз.

Теперь ему казалось, что это просто очень громкая тюрьма.

Он пал совсем молодым. Если переводить на человеческий счёт, ему было тогда лет девятнадцать. Он почти не помнил Неба — только смутное ощущение прохлады и тишины и чьё-то лицо, которое склонялось над ним, когда он впервые открыл глаза. Он не помнил, почему пошёл за восставшими. Наверное, потому, что они громче всех говорили о свободе, а он был молод и хотел, чтобы его заметили.

Когда он падал, ему было не страшно. Страшно стало потом, когда он понял, что назад дороги нет.

С тех пор Кайрен научился многому. Он научился разбираться в людях лучше, чем в себе. Он мог за пять минут разговора понять, чего человек хочет больше всего на свете и чего больше всего боится. Он мог подтолкнуть его к краю так мягко, что человек был уверен, будто прыгнул сам. Он был хорош в своём деле. Вельмор не врал.

Но в последние века что-то в нём начало меняться. Он стал замечать, что ему не нравится смотреть, как люди падают. Что после каждого удачного искушения у него во рту остаётся привкус пепла. Что ночами — если в Аду бывают ночи — он думает не о новых соблазнах, а о тех людях, которых когда-то соблазнил. Что с ними стало? Где они теперь?

Он никому об этом не говорил. В Аду о таком не говорят.

Вечером Кайрен вернулся в свою каморку на верхнем этаже чёрной башни. Это была крошечная комната с одним окном, выходившим на огненное озеро, и полкой, на которой стояли вещи, собранные за века на Земле: детский оловян-

ный солдатик, засохшая роза в бутылке, старая губная гармошка, фотография неизвестной кошки. Демонам не полагалось хранить такие вещи. Но Кайрен хранил.

На столе лежал конверт с чёрной печатью. Он вскрыл его когтем.

Лиора. Отдел утешения. Третий хор.

Кайрен хмыкнул.

— Хористка, — сказал он вслух. — Прекрасно. Значит, будет петь мне нотации.

Он бросил конверт на стол, лёг на жёсткую койку и закрыл глаза. Но заснуть долго не мог. Имя крутилось в голове, лёгкое и светлое, как звук колокольчика. Лиора. Лиора.

Он не знал, почему оно не даёт ему покоя.

III. Спуск

Ангелы спускаются на Землю на рассвете. Это не правило, а скорее традиция: первый свет дня — самое удобное время, чтобы пройти сквозь границу между мирами незаметно. В эти минуты небо и земля почти касаются друг друга, и свет ангела легко теряется среди розовых и золотых лучей.

Лиора стояла на краю облачного сада и смотрела вниз. Город, в который её направили, просыпался. Огоньки людей мигали, гасли, загорались снова. Где-то там был её первый спорный человек. Где-то там был демон, с которым ей предстояло работать.

Она глубоко вздохнула — по привычке, хотя ангелам не нужен воздух — и шагнула вниз.

Падение длилось одно мгновение и целую вечность. Сначала был только свет. Потом свет стал плотнее, тяжелее, и Лиора почувствовала, как он собирается вокруг неё, обретая форму. Руки. Ноги. Плечи. Волосы, которые щекочут шею. Сердце — настоящее, бьющееся, глупо и торопливо стучащее в груди.

А потом пришёл холод.

Она стояла в узком переулке между двумя старыми домами. Под ногами был мокрый булыжник, над головой — серое осеннее небо. Пахло дождём, бензином, мусором и — откуда-то из-за угла — свежим хлебом. Где-то гудела машина.

Где-то лаяла собака. Где-то хлопнула дверь. Звуки обрушились на неё со всех сторон, громкие, резкие, ничем не упорядоченные, совсем не похожие на хор.

Лиора прислонилась к стене и закрыла глаза. Ей было страшно.

Она выбрала себе облик, который казался ей простым и незаметным: молодая женщина лет двадцати пяти, рыжеватые волосы, собранные в пучок, серые глаза, серое пальто. Крылья пришлось спрятать так глубоко, что от них осталось только лёгкое покалывание между лопатками — будто кто-то касается спины пёрышком. Нимб она превратила в едва заметную тёплую точку на макушке. Свет — в чуть более яркий, чем у других, блеск глаз.

Она стояла в переулке минут десять, привыкая к телу. Учась дышать. Учась слышать. Учась не вздрагивать от каждого звука. Потом осторожно вышла на улицу.

Город жил своей жизнью. Люди спешили на работу, уткнувшись в телефоны. Женщина тащила за руку упирающегося малыша. Пожилой мужчина кормил голубей. Продавец газетного киоска курил и смотрел в никуда. Лиора видела их огоньки — даже здесь, в человеческом теле, она могла их видеть, если сосредоточиться. Жёлтые, синие, серые. Как много серых.

Ей захотелось запеть. Прямо здесь, на улице, для всех этих людей. Но она сдержалась. Она была здесь не для этого.

Кайрен поднялся на Землю ночью. Демоны всегда прихо-

дят ночью: им проще прятаться в темноте, и их огонь легче скрыть среди городских фонарей.

Подъём из Преисподней не похож на спуск с Неба. Это не падение, а скорее протискивание — сквозь узкую трещину в мире, сквозь слои камня, жара и темноты. Демоны выходят на поверхность в местах, где граница истончилась: в заброшенных подвалах, на старых кладбищах, в туннелях метро, где давно не ходят поезда.

Кайрен вышел из люка в подвале давно закрытой фабрики. Отряхнул с куртки каменную крошку. Потянулся, разминая новое тело — высокое, худощавое, с тёмными волосами, падающими на лоб. Он всегда выбирал этот облик. Привык к нему, как привыкают к старому пальто.

В отличие от Лиоры, он хорошо знал Землю. Он бывал здесь сотни раз. Он знал, какие бары открыты до утра, какие улицы опасны, какой кофе можно пить, а какой лучше вылить в раковину. Ему нравилась Земля — хотя он никогда не признался бы в этом вслух. Здесь было интересно. Люди были интересными. Их желания были такими запутанными, их страхи — такими нелепыми, их надежды — такими упрямыми.

Он прошёлся по ночному городу, впитывая его запахи и звуки. Зашёл в круглосуточный магазин и купил пачку сигарет — не потому, что курил, а потому, что ему нравилось держать в пальцах маленький огонёк. Постоял на мосту, глядя на чёрную воду. Подумал о хористке, с которой завтра

встретится.

Интересно, она сразу начнёт читать мораль? Или сначала поздоровается?

Он усмехнулся и пошёл искать кафе «Полночь». Он собирался прийти раньше. Демоны всегда приходят раньше.

IV. Кафе «Полночь»

Место встречи было указано в предписании: кафе «Полночь» на углу Часовой улицы и Колокольного переулка. Лиора нашла это название подозрительно демоническим. Она подумала, что его наверняка выбирала та сторона.

На самом деле его выбрал Офаниил, который просто ткнул пальцем в карту города. Но этого Лиора не знала.

Кафе оказалось маленьким и тёплым. Деревянные столики, потемневшие от времени. Медные лампы под зелёными абажурами. На стенах — старые чёрно-белые фотографии города: трамваи, дамы в шляпках, мальчишки с газетами. Пахло корицей, кофе и чуть-чуть — подгоревшим молоком. За стойкой полная женщина в фартуке протирала чашки и что-то напевала себе под нос. На каждом столике стояла маленькая свеча в стеклянном подсвечнике.

Лиора остановилась на пороге и огляделась.

Он уже сидел внутри. Она поняла это сразу — по тому, как дрогнуло пламя всех свечей в зале, когда она вошла, будто огонь узнал её и насторожился. И по запаху: едва уловимому, тёплому, как от остывающих углей. Человек бы его не почувствовал. Человек подумал бы, что это просто пахнет камином.

За угловым столиком у окна сидел высокий мужчина в тёмной кожаной куртке. Чёрные волосы падали ему на лоб,

и он время от времени отбрасывал их назад нетерпеливым движением. Лицо было худым, с резкими скулами и чуть насмешливым ртом. Глаза — цвета крепкого чая. Если присмотреться, в их глубине медленно тлели золотые искры, как угли под слоем пепла.

Он смотрел прямо на неё. И улыбался.

Лиора почувствовала, как спрятанные крылья у неё за спиной сами собой напряглись. Три тысячи лет её учили, что демоны — враги. Что они лгут. Что они разрушают. Что их взгляд может отравить, а их слово — сбить с пути. Каждый инстинкт её существа кричал: развернись и уходи.

Она сделала шаг вперёд. Потом ещё один. Подошла к столику.

— Ты опоздала на четыре минуты, — сказал он вместо приветствия.

— Я пришла ровно в назначенное время, — ответила Лиора, садясь напротив. Голос у неё дрогнул, и она разозлилась на себя за это. — Это ты пришёл раньше.

— Демоны всегда приходят раньше. Так мы успеваем занять лучшее место и заказать кофе за чужой счёт. — Он подвинул к ней чашку. — Кайрен. Отдел искушений, второй круг, старший агент.

— Лиора. Отдел утешения, третий хор, агент-хранитель. — Она посмотрела на чашку с недоверием. — Что там?

— Капучино. Не бойся, я в него не плюнул. Это было бы слишком банально даже для меня.

— А что-нибудь другое ты туда добавил?

— Корицу. — Он развёл руками. — Признаюсь, это было искушение. Хотел посмотреть, понравится ли ангелу корица.

Лиора осторожно сделала глоток. Кофе оказался горячим, сладковатым, с мягкой молочной пенкой и тонким пряным ароматом. Это был первый в её жизни кофе — до сих пор ей не приходилось ни есть, ни пить. Вкус разлился по языку, тёплый, сложный, неожиданный, и на мгновение она забыла, где находится.

Кофе оказался вкусным. И это её почему-то раздосадовало.

— Ну? — спросил Кайрен, наблюдая за ней с явным интересом.

— Приемлемо, — сухо сказала Лиора и сделала второй глоток.

Кайрен рассмеялся. Смех у него был неожиданно мягкий, совсем не такой, каким она представляла себе смех демона. Она ждала чего-то зловещего, раскатистого, с эхом. А он смеялся, как смеются люди, когда им по-настоящему весело.

V. Правила

Несколько минут они молчали, разглядывая друг друга. Каждый видел больше, чем видели люди вокруг.

Кайрен видел свет. Он пробивался сквозь её человеческий облик, как солнце сквозь тонкую занавеску: в серых глазах, в рыжих прядях, выбившихся из пучка, в том, как она держала чашку обеими руками. От неё веяло прохладой — не холодом, а именно прохладой, как от родника в жаркий день. Кайрен давно не видел ангелов так близко. Последний раз — в тот день, когда падал. Он невольно вспомнил то смутное лицо, которое склонялось над ним когда-то, и тут же прогнал это воспоминание.

Лиора видела огонь. Он тлел в нём ровно, спокойно, без вспышек — не пожар, а скорее очаг. Она ожидала увидеть что-то уродливое, искажённое, страшное. Но под человеческим обликом угадывались только тёмные крылья, сложенные за спиной, и усталость. Очень старая, очень глубокая усталость, какую она иногда видела у самых серых огоньков на Земле.

Это её удивило больше всего. Она не знала, что демоны устают.

— Итак, — сказал наконец Кайрен, кладя на стол тонкую папку. — Наше первое дело.

На обложке стояли две печати: белая, с крылом, и чёрная,

с языком пламени. Они были поставлены так близко друг к другу, что почти касались краями.

— Читала? — спросил он.

— Конечно. Я всегда читаю материалы заранее.

— Конечно, — повторил он с такой интонацией, что Лиоре захотелось вылить остатки капучино ему на голову. Она сдержалась. Ангелам не положено.

— А ты, разумеется, не читал? — спросила она.

— Читал. Дважды. И ещё сходил посмотреть на объект. — Кайрен открыл папку. — Но прежде чем мы начнём, давай договоримся о правилах.

— О каких правилах?

— О наших. — Он наклонился вперёд, и свеча между ними качнулась. — Послушай. Я знаю, что тебе обо мне рассказывали. Что я лжец, обманщик и всё такое. Отчасти это правда. Но я не хочу провалить это дело. Если мы провалим первое же дело, мой начальник отправит меня сторожить болота в пятом круге, а там, поверь, очень сыро и очень скучно. Поэтому я предлагаю работать честно.

Лиора смотрела на него с подозрением.

— Что значит «честно» для демона?

— Это значит вот что. — Он начал загибать длинные пальцы. — Первое: никаких тайных докладов своему начальству за спиной напарника. Всё, что мы пишем наверх или вниз, мы пишем вместе. Второе: никаких чудес и никаких проклятий без обсуждения. Если ты хочешь кого-то осенить

благодатью, ты сначала говоришь мне. Если я хочу кого-то соблазнить, я сначала говорю тебе. Третье: мы не врём друг другу. Можем не соглашаться, можем спорить до хрипоты. Но не врём.

— Демон, который обещает не врать, — медленно проговорила Лиора.

— Ангел, который соглашается сидеть с демоном в кафе, — парировал Кайрен. — Мы оба сегодня делаем что-то необычное.

Она помолчала, вертя в руках чашку.

— Хорошо, — сказала она наконец. — Но есть и четвёртое правило.

— Слушаю.

— Мы не причиняем вреда людям. Никаким людям. Ни ради дела, ни ради отчёта, ни ради начальства.

Кайрен посмотрел на неё долгим взглядом. Золотые искры в его глазах на мгновение вспыхнули ярче.

— Принято, — сказал он тихо. И протянул ей руку. — Скрепим?

Лиора на мгновение замялась. Она никогда никого не касалась вот так — кожа к коже, в человеческом теле. А тем более демона. Потом всё-таки протянула руку.

Его ладонь оказалась горячей. Не обжигающей, а просто очень тёплой, как камень, весь день пролежавший на солнце. От её пальцев, наверное, веяло прохладой, потому что Кайрен чуть приподнял бровь.

— Холодные руки, — заметил он.

— Горячая голова, — парировала она.

Он рассмеялся снова. И Лиора, к собственному ужасу, едва не рассмеялась вместе с ним.

Она быстро убрала руку. Но тепло его ладони ещё долго оставалось на её пальцах.

VI. Папка

Дело номер 1-ПД, первое в истории Договора, умещалось на четырёх листах.

Томас Вернер, пятьдесят восемь лет. Пекарь в третьем поколении. Женат на Хельге Вернер, пятьдесят пять лет, бывшей учительнице музыки. Дочь Анна, двадцать шесть лет, студентка-заочница, работает в пекарне отца. Пекарня «Вернер и сын» основана дедом Томаса девяносто один год назад. Расположена на Мельничной улице, дом семь. Над пекарней — две квартиры. В одной живут Вернеры. В другой — Роза Штайн, восемьдесят два года, вдова, и кот по кличке Барон.

Дальше шла сухая хроника. Восемнадцать месяцев назад в соседнем квартале открылась булочная крупной сети. Цены ниже на треть. Реклама на каждом углу. Выручка пекарни упала вдвое. Томас взял кредит, чтобы обновить оборудование. Потом второй, чтобы выплачивать первый. Потом заложил дом. Сейчас его долг составляет сумму, которую он не сможет выплатить, даже если будет работать без выходных до конца жизни.

Три недели назад Томас Вернер увеличил страховку на пекарню. Неделю назад купил двадцатилитровую канистру бензина и спрятал её в подсобке за мешками с мукой.

Внизу последней страницы двумя разными почерками было написано:

«Намерение совершить преступление (поджог, мошенничество). Мотив: сохранение благополучия семьи. Раскаяние: присутствует, но намерения не меняет. Квалификация: спорно».

Лиора читала эти строки уже в третий раз и всё равно чувствовала, как у неё сжимается сердце — новое, человеческое, непривычное сердце.

— Он хороший человек, — сказала она. — Здесь написано, что он тридцать лет ни разу не повысил цену на хлеб для пенсионеров. Что он каждое Рождество печёт бесплатные пряники для детского дома. Как хороший человек может решиться на такое?

— Хорошие люди решаются на всё что угодно, — ответил Кайрен, — когда им страшно за тех, кого они любят. Плохим людям проще: им не за кого бояться.

Она подняла на него глаза.

— Ты так говоришь, будто это знаешь.

— Я двенадцать тысяч лет смотрю, как люди совершают глупости, — пожал плечами Кайрен. — Девяносто процентов самых страшных глупостей совершаются из-за любви. Остальные десять — из-за денег. Но чаще всего это одно и то же.

Она хотела возразить, но не нашла слов.

— Ты сказал, что ходил на него посмотреть, — сказала она вместо этого. — Какой он?

Кайрен задумался. Потом заговорил медленно, будто

вспоминая.

— Большой. Широкие плечи, руки в муке по локоть. Седые усы. Встаёт в три ночи, чтобы поставить тесто. Работает молча, но иногда, когда думает, что никто не слышит, насвистывает старые песни. Плохо насвистывает, фальшиво. Вчера вечером я стоял напротив пекарни и видел через окно, как он сидел в пустом зале после закрытия. Просто сидел. Смотрел на фотографию отца на стене. Минут сорок. Потом встал, выключил свет и пошёл наверх.

Лиора молчала.

— Он уже всё решил, — тихо закончил Кайрен. — Он ждёт только подходящей ночи.

VII. Первая ночь

Они вышли из кафе, когда уже стемнело. Город зажигал огни. С реки тянуло холодной сыростью, и Лиора зябко куталась в своё серое пальто, которое оказалось совсем не таким тёплым, как ей представлялось.

— Где ты остановилась? — спросил Кайрен.

— Мне выделили комнату. В гостинице на Соборной площади.

— Конечно. Рядом с собором. — Он усмехнулся. — А меня поселили над баром на Портовой. Каждому своё.

Они дошли до перекрёстка, где их пути расходились. Остановились под фонарём. Свет падал на мокрую мостовую, и в лужах отражались жёлтые круги.

— Завтра утром, — сказала Лиора. — Мельничная, семь. Пойдём вместе посмотрим на пекарню.

— В шесть, — сказал Кайрен. — Он открывается в шесть. В это время туда приходят самые интересные люди.

— В шесть, — согласилась она.

Она повернулась, чтобы уйти. Он вдруг окликнул её:

— Лиора.

Она обернулась.

— Ты ведь первый раз на Земле, да? — спросил он. — По-настоящему, в теле?

Она хотела соврать. Сказать, что нет, что она опытный

агент, что всё знает. Но они же договорились не врать друг другу.

— Первый, — призналась она.

Кайрен кивнул. Помолчал. Потом снял с шеи тёмно-серый шерстяной шарф и, не говоря ни слова, накинул его ей на плечи.

— Ночью здесь холодно, — сказал он. — Люди обычно мёрзнут. Вы, наверное, тоже.

И прежде чем она успела что-то ответить, развернулся и ушёл в темноту, сунув руки в карманы куртки.

Лиора стояла под фонарём и держала край шарфа. Он был ещё тёплым. От него пахло дымом, кофе и чем-то горьковатым, похожим на осенние листья.

В ту ночь она долго не могла уснуть в незнакомой гостиничной комнате. Она лежала на узкой кровати, слушала, как за окном звонят колокола собора, как шумят машины, как где-то внизу ругаются двое пьяных, и думала. О Томасе Вернере, который сидит сейчас в своей пекарне и смотрит на фотографию отца. О женщине по имени Роза Штайн и её коте. О демоне с золотыми искрами в глазах, который обещал ей не врать.

Шарф лежал на стуле рядом с кроватью. Перед тем как наконец заснуть, она протянула руку и коснулась его — просто чтобы убедиться, что он настоящий.

А в маленькой комнате над баром на Портовой улице Кайрен сидел у открытого окна, крутил в пальцах незажжённую

сигарету и смотрел на огни собора на другом берегу реки.

Он думал о том, что ангелы, оказывается, пьют капучино двумя руками, как маленькие дети. И что, когда они смущаются, у них розовеют кончики ушей.

Он думал об этом гораздо дольше, чем следовало.

Глава 2. Дело о пекаре

I. Шесть утра

Мельничная улица просыпалась раньше остального города.

Когда-то здесь действительно стояла мельница: огромное колесо крутилось в рукаве реки, и мука со всей округи свозилась сюда на телегах. Мельницы давно не было — на её месте построили парковку, — но улица сохранила особый, неторопливый ритм. Здесь всё ещё вставали затемно. Сапожник в доме три уже стучал молотком. Цветочница из дома пять выставляла на тротуар вёдра с хризантемами. А из окон дома семь на мокрую мостовую падал тёплый жёлтый свет и выплывал запах, от которого у прохожих невольно замедлялся шаг.

Запах свежего хлеба.

Лиора пришла без пяти шесть. На ней было всё то же серое пальто, а на шее — тёмный шерстяной шарф. Она долго решала утром, надевать ли его, и в итоге надела, убедив себя, что просто замёрзла. Кайрен уже стоял на другой стороне улицы, прислонившись к фонарному столбу. Увидев шарф, он ничего не сказал. Только уголок его рта чуть дрогнул.

— Доброе утро, — сказала Лиора.

— Для кого как, — ответил Кайрен и кивнул на пекарню. — Смотри.

Сквозь большое окно, украшенное старыми золотыми буквами «Вернер и сын. Основано в 1935 году», было видно, как внутри движутся люди. Высокая худая девушка с тёмными волосами, заплетёнными в косу, раскладывала на полках караваи и булки. Пожилая женщина с мягким круглым лицом протирала прилавок. А в глубине, у открытой двери в пекарский цех, стоял он.

Томас Вернер был именно таким, каким описывал его Кайрен. Огромный, широкоплечий, с седыми густыми усами и руками, покрытыми мукой почти до локтей. На нём был белый фартук, на голове — смешная белая шапочка, которая едва держалась на его большой голове. Он доставал из печи противень, и пар окутывал его облаком, так что на мгновение он показался Лиоре не человеком, а каким-то добрым великаном из детской сказки.

А потом пар рассеялся, и она увидела его лицо. Серое, осунувшееся, с глубокими тенями под глазами. Лицо человека, который давно не спит.

В шесть ноль-ноль девушка с косой перевернула табличку на двери с «Закрыто» на «Открыто».

— Идём, — сказал Кайрен. — Купим что-нибудь. Посмотрим вблизи.

Внутри было тепло и тесно. Стены, выкрашенные в кремовый цвет, были увешаны фотографиями: вот основатель

пекарни, худой мужчина в котелке, стоит у входа; вот его сын, отец Томаса, с маленьким мальчиком на руках; вот сам Томас, совсем молодой, без усов, гордо держит огромный крендель. Под потолком висели связки сушёного хмеля. На прилавке стояла старая медная касса с ручкой — такие Лиора видела только на картинках.

— Доброе утро! — сказала пожилая женщина, Хельга Вернер, и улыбнулась так тепло, что Лиоре захотелось улыбнуться в ответ. — Что для вас?

Лиора растерялась. Она никогда ничего не покупала. Она не знала, что такое «бриошь» и чем «ржаной» отличается от «пшеничного». Она смотрела на полки, заваленные хлебом всех форм и размеров, и не могла вымолвить ни слова.

— Два кофе и два маковых рулета, — пришёл ей на помощь Кайрен. — И вон тот маленький кренделёк с солью. Для дамы. Она у нас впервые.

— Впервые? — Хельга всплеснула руками. — Тогда кренделёк за счёт заведения. Томас! Новая покупательница!

Томас выглянул из цеха, кивнул, попытался улыбнуться. Улыбка вышла вымученной, но в ней всё ещё было что-то настоящее, что-то от того молодого парня с огромным кренделем на фотографии.

— Добро пожаловать, — прогудел он низким голосом. — Ешьте, пока тёплый. Холодный крендель — это уже не крендель. Это так, недоразумение.

Лиора откусила кусочек. Солёная хрустящая корочка,

мягкая сладковатая середина, запах масла. Она закрыла глаза. Сначала капучино, теперь это. Земля определённо была полна искушений.

Когда она открыла глаза, Кайрен смотрел на неё и улыбался — не насмешливо, а как-то совсем иначе. Она поспешно отвернулась.

II. Обитатели дома номер семь

Они сели за маленький столик у окна — единственный в пекарне — и стали наблюдать.

Первой пришла Роза Штайн. Лиора узнала её сразу, хотя никогда не видела. Крошечная, сухонькая старушка в старомодном пальто с меховым воротником и в шляпке с вуалеткой. Она спустилась по внутренней лестнице со второго этажа, держа на руках огромного рыжего кота. Кот был толстым, важным и смотрел на мир с таким выражением, будто мир ему чем-то задолжал.

— Доброе утро, Хельга, деточка! — сказала Роза высоким, чуть дребезжащим голосом. — Мне как обычно. А Барону — сливок.

— Роза, вы же знаете, что котам нельзя сливки, — укоризненно сказала Хельга, но уже наливала сливки в маленькое блюдце.

— Барону можно всё, — с достоинством ответила Роза. — Ему шестнадцать лет. В его возрасте уже нечего бояться.

Барон спрыгнул на пол, неспешно подошёл к блюдцу и принялся лакать. Потом поднял голову и посмотрел прямо на Кайрена. Шерсть у него на загривке медленно встала дыбом.

— Он тебя чувствует, — тихо сказала Лиора.

— Коты всегда нас чувствуют, — так же тихо ответил Кай-

рен. — Это у них профессиональное. — Он наклонился и протянул коту руку. — Ну-ну, старик. Я не за тобой.

Барон посмотрел на его руку с глубоким подозрением. Потом, к изумлению Лиоры, подошёл, понюхал пальцы и потёрся о них головой.

— Ничего себе, — сказала Роза, разглядывая Кайрена сквозь вуалетку. — Барон никого не признаёт. Даже почтальона, а почтальон носит ему сосиски. Вы, молодой человек, наверное, хороший человек.

Кайрен открыл рот, закрыл его и ничего не ответил. Лиора спрятала улыбку в чашке с кофе.

После Розы потянулись другие. Пожилой сапожник из дома три за чёрным хлебом. Медсестра после ночной смены, засыпающая на ходу. Двое строителей в оранжевых жилетах, купившие по три пирога каждый. Молодая мама с коляской. Все они здоровались с Хельгой и Томасом по имени. Все о чём-то спрашивали — о здоровье, о погоде, о дочери. Пекарня была не просто магазином. Она была частью жизни улицы, как старое дерево, которое растёт на одном месте сто лет.

Но Лиора заметила и другое. Покупателей было мало. Слишком мало для такой большой пекарни. Полки, которые Анна так старательно заполняла утром, к восьми часам опустели едва на треть.

— В сетевой булочной на углу, — тихо сказал Кайрен, проследив за её взглядом, — в это время очередь на улицу. Я проверял. Кофе там стоит вдвое дешевле. Круассаны —

втрое. Они делаются на заводе за двести километров отсюда, замораживаются и потом просто разогреваются в печи. Вкус как у картона. Но люди торопятся. Люди считают деньги.

В половине девятого к прилавку подошла Анна, дочь Вернеров. Она взяла с полки остывший батон и вдруг остановилась, глядя на отца. Томас стоял в дверях цеха и смотрел в окно невидящим взглядом.

— Пап, — тихо сказала Анна. — Ты опять не спал?

— Спал, — соврал Томас. — Немного.

— Пап…

— Всё хорошо, Анечка. Всё будет хорошо. — Он погладил её по голове огромной мучной ладонью, оставив на тёмных волосах белый след. — Иди, занимайся. У тебя же сегодня экзамен.

Анна ушла наверх, оглянувшись на пороге. На её лице была тревога.

Лиора видела её огонёк. Он был тёплым, но дрожащим, как свеча на сквозняке. Девушка чувствовала, что с отцом что-то не так. Но не знала что.

III. Спор у фонаря

Они вышли на улицу в девять. Начал моросить мелкий осенний дождь. Лиора подняла воротник пальто. Кайрен поморщился и сунул руки в карманы.

Они отошли к тому же фонарю, у которого стояли утром.

— Ну что ж, — сказал Кайрен. — Всё очевидно.

— Что очевидно?

— Он уже решился. Канистра с бензином стоит в подсобке, я видел её через заднее окно, пока ты разглядывала кренделя. Человек принял решение. Свободный выбор свободной воли. — Он пожал плечами. — Я бы просто дал ему спичку и записал в отчёт: «Действовал по собственному желанию». Страховка покроет долги, семья будет обеспечена. С человеческой точки зрения это даже логично.

Лиора смотрела на него, не веря своим ушам.

— Ты бы дал ему спичку, — медленно повторила она. — А потом? Ты подумал, что будет потом? Огонь перекинется на верхний этаж. Там живут его жена и дочь. Там живёт Роза Штайн, которой восемьдесят два года и которая спит со слуховым аппаратом на тумбочке. Она не услышит пожарную сирену.

Кайрен поморщился.

— Он не собирается поджигать дом, когда все спят. Он же не идиот. Он выберет ночь, когда семьи не будет. Они в

конце месяца едут к родственникам жены.

— А Роза? А Барон?

Кайрен открыл рот. Закрыл. На его лице отразилась борьба.

— Ладно, — сказал он наконец. — Кота жалко.

— А Розу?

— Розу тоже. Но кота сильнее, коты в Аду на особом счету. Ты знаешь, сколько кошек было в египетских храмах? Мы их потом тысячу лет не могли распределить, никто не хотел брать на себя ответственность. — Он вздохнул и потёр переносицу. — Хорошо, ангел. Пусть будет по-твоему. Что ты предлагаешь? Пошлёшь ему вещий сон? Явишься ночью в сиянии и скажешь: «Томас, не греши»?

Лиора открыла рот, чтобы ответить, и закрыла его. Именно это она и собиралась сделать.

Кайрен увидел это по её лицу и застонал.

— Серьёзно? Ты серьёзно собиралась?

— А что в этом плохого? — вспыхнула Лиора. — Так делали всегда! Ангелы являлись пастухам, пророкам, царям. Люди слушали!

— Три тысячи лет назад — может быть. Сейчас он решит, что сошёл с ума, и пойдёт к врачу. Или, что ещё хуже, решит, что это знак: Бог видит его страдания и разрешает ему всё. — Кайрен покачал головой. — Ты не понимаешь. Он не плохой человек. Он прекрасно знает, что поступает неправильно. Он знает это лучше тебя и меня. Ему не нужна мораль.

Ему не нужно, чтобы кто-то сказал ему «не делай этого». Ему нужно, чтобы кто-то показал, что ещё можно сделать.

— Выход, — тихо сказала Лиора.

— Выход, — кивнул Кайрен.

Они помолчали. Дождь шуршал по тротуару.

— Ладно, — сказала Лиора. — Но я всё-таки попробую. Сон. Это не чудо, это… мягкое касание. Я не буду являться в сиянии. Я просто покажу ему что-нибудь хорошее. По правилу номер два — я тебе говорю заранее.

Кайрен посмотрел на неё долгим взглядом. Потом махнул рукой.

— Пробуй. Но потом не говори, что я тебя не предупреждал.

IV. Сон

В ту ночь Лиора стояла на крыше дома напротив пекарни, и её волосы трепал холодный ветер.

Она позволила себе чуть-чуть раскрыть крылья — так, чтобы никто внизу не заметил. Закрыла глаза. Нашла среди огоньков спящего города огонёк Томаса Вернера. Он был серым, почти погасшим, и едва тлел, как уголёк, на который давно никто не дул.

Лиора запела. Тихо, без слов, одной мелодией, которой учил её Тамиэль в самом начале: песней для тех, кто потерял надежду. Звук полетел сквозь ночь, сквозь стены, сквозь сон.

И Томасу приснился отец.

Они стояли вместе в старом цеху — таком, каким он был сорок лет назад. Отец, ещё молодой, с чёрными усами, показывал маленькому Томасу, как месить тесто. «Не дави, — говорил он. — Тесто как человек. Если давить, оно станет жёстким. Его надо уговаривать. Терпеливо, ласково. И тогда оно поднимется само».

Во сне Томас плакал. Отец обнимал его, и от него пахло мукой, табаком и одеколоном «Шипр». «Всё будет хорошо, сынок, — говорил он. — Ты справишься. Ты всегда справлялся».

Лиора закончила песню и открыла глаза. Огонёк Томаса стал чуть ярче. Совсем чуть-чуть, но всё же. Она улыбнулась.

На соседней крыше, на самом краю, сидел Кайрен. Она не заметила, когда он пришёл. Он курил, вернее, просто держал в пальцах тлеющую сигарету и смотрел на окна пекарни.

— Красиво поёшь, — сказал он, не оборачиваясь. — Даже у нас внизу было бы слышно, если бы ты пела погромче.

— Ты подслушивал?

— Я наблюдал. Это часть работы. — Он помолчал. — Давай подождём до утра. Посмотрим, что он сделает.

Они ждали до утра вдвоём, на разных крышах, разделённые узкой улицей.

В три часа ночи в окне цеха зажёгся свет. Томас встал, как всегда, ставить тесто. Лиора затаила дыхание. Она видела сквозь окно, как он стоит у рабочего стола, опустив руки, и смотрит на мешки с мукой. Как медленно подходит к двери подсобки. Как кладёт руку на ручку.

Как долго стоит так. Минуту. Две. Пять.

Как наконец отпускает ручку. Возвращается к столу. Начинает месить тесто. Медленно, терпеливо, ласково.

— Получилось! — прошептала Лиора.

Но Кайрен не ответил. Он смотрел не на Томаса, а на календарь, висевший на стене цеха. На одной из дат, через две с половиной недели, был обведён красный кружок. Под ним мелким почерком Хельги было написано: «Едем к Ингрид».

— Он не отказался, — тихо сказал Кайрен. — Он просто отложил. Сон дал ему силы прожить ещё одну ночь. Но не дал ответа на вопрос, что делать дальше.

Лиора посмотрела на календарь. На красный кружок. Потом на Томаса, который месил тесто и плакал — беззвучно, не вытирая слёз, потому что руки были в муке.

— У нас две с половиной недели, — сказала она.

— Да, — сказал Кайрен. — И, похоже, теперь придётся делать по-моему.

V. Задняя дверь

Следующие несколько дней они провели в пекарне почти безвылазно.

Кайрен пришёл к Томасу и попросился на работу. Сказал, что приехал из другого города, ищет любую подработку, умеет таскать тяжести и не задаёт лишних вопросов. Платить ему было нечем, и Томас честно об этом сказал. Кайрен ответил, что готов работать за еду и за угол в подсобке. Томас посмотрел на него с подозрением, потом с усталостью, потом махнул рукой: «Ладно. Мешки сами себя не потаскают».

Лиора поступила проще: она приходила каждое утро как покупательница, садилась за столик у окна с чашкой кофе и маленькой книжкой и сидела по нескольку часов. Хельга быстро к ней привыкла и стала называть её «наша студентка». Лиора не возражала.

Именно Лиора заметила то, что пропустил Кайрен.

Каждое утро, ровно в половине восьмого, к задней двери пекарни, выходившей во двор, приходили дети. Сначала двое, потом пятеро, потом целая стайка — человек десять. Все из начальной школы, которая стояла в соседнем переулке. Дети с потрёпанными рюкзаками, в куртках не по размеру, в стоптанных ботинках. Они стучали в дверь условным стуком — два коротких, один длинный, — и Томас выходил к ним с большим бумажным пакетом.

В пакете был вчерашний хлеб. Булочки, рогалики, куски пирога. Всё, что не продали накануне.

— Только честно, — говорил Томас каждый раз, выдавая каждому по булке. — Кто вчера получил пятёрку?

Дети наперебой кричали, что все получили пятёрки. Томас делал вид, что верит. Иногда кто-нибудь из малышей говорил честно: «А я двойку». И Томас серьёзно кивал и давал ему две булки. «Чтобы были силы исправить», — говорил он.

Лиора смотрела на это из окна, и у неё перехватывало дыхание.

Она подошла к одной из девочек, когда та уже уходила, — маленькой, лет восьми, с двумя косичками и серьёзными глазами.

— Вы каждый день сюда приходите? — спросила Лиора.

Девочка посмотрела на неё настороженно, прижимая булку к груди.

— Каждый, — сказала она. — Уже два года. Дядя Томас говорит, что хлеб не должен пропадать. Говорит, что хлеб, который никто не съел, плачет.

— А вы… у вас дома есть еда?

Девочка отвела взгляд.

— Иногда, — сказала она тихо. И убежала.

Вечером Лиора рассказала об этом Кайрену. Они сидели в пустом кафе «Полночь», которое стало их штабом, и он долго молчал, вертя в пальцах ложечку.

— Два года, — сказал он наконец. — Два года он кормит голодных детей, хотя сам тонет в долгах. И никто об этом не знает.

— Никто, — кивнула Лиора. — Даже, по-моему, его жена. Он делает это до её прихода.

— Почему он никому не говорит?

— Потому что ему стыдно, — сказала Лиора. — Не за то, что он делает. За то, что больше не может делать больше.

Кайрен поднял на неё глаза. В них что-то медленно менялось — будто сквозь привычную насмешку проступало что-то совсем другое.

— Знаешь, — сказал он, — за двенадцать тысяч лет я соблазнил очень много людей. Банкиров, королей, священников, поэтов. И я тебе скажу одну вещь. Ни одного из них не стоило спасать так, как этого пекаря.

Он встал, надел куртку.

— Куда ты? — спросила Лиора.

— Искать выход, — ответил Кайрен. — В сетевой булочной на углу есть управляющий. Я видел его вчера. Он выходит курить на задний двор и смотрит на пекарню Вернера так, как голодный смотрит на ресторан. Хочу понять, почему.

VI. Человек с замороженным тестом

Управляющего сетевой булочной звали Феликс Брандт. Ему было тридцать четыре года, у него был диплом пекаря-кондитера с отличием, аккуратная бородка и привычка тереть переносицу, когда он нервничал. Нервничал он почти всегда.

Кайрен нашёл его в баре «Якорь» на Портовой улице — прямо под своей комнатой. Был вечер пятницы. В баре было шумно, накурено и тесно. Феликс сидел в самом углу, над третьим стаканом пива, и смотрел в телефон, на экране которого светилась таблица продаж.

Кайрен сел рядом. Заказал виски. Некоторое время молчал.

В искусстве соблазна есть правило, которое знает каждый демон второго круга: никогда не начинай первым. Человек должен заговорить сам. Он должен думать, что это его идея — начать разговор. Его идея — открыть душу. Его идея — сделать то, к чему его подталкивают.

Кайрену понадобилось одиннадцать минут.

— Плохой день? — спросил наконец Феликс, заметив, что сосед смотрит на его телефон.

— Плохой год, — ответил Кайрен. — А у вас?

— У меня, — Феликс горько усмехнулся, — отличный год. Рекордные продажи. Лучший филиал в регионе. Меня собираются повысить.

— Поздравляю.

— Спасибо. — Феликс сделал большой глоток. — Знаете, чем я занимаюсь каждое утро? Я достаю из морозилки коробки с замороженными круассанами. Раскладываю их на противни. Ставлю в печь на четырнадцать минут. Всё. Это вся моя работа. Четырнадцать минут. Я учился три года. Я стажировался во Франции, в Лионе, у мастера, который пёк хлеб для президента. Я умею делать закваску, которая живёт десятилетиями. А теперь я разогреваю картон.

Кайрен молчал. Он знал, что сейчас главное — молчать.

— А напротив, — продолжал Феликс, и в его голосе зазвучало что-то похожее на отчаяние, — напротив стоит пекарня. Настоящая. Девяносто лет. Старик встаёт в три часа ночи и ставит тесто руками. У него ржаной хлеб на закваске, которую завёл ещё его дед. Вы понимаете? Закваске девяносто лет! Это… это как живое существо. Как старое вино. Это невозможно купить, невозможно повторить. И я каждый день смотрю, как мы его душим. Своими скидками, рекламой, акциями «два по цене одного». И он скоро закроется. Я знаю это. Я видел, как он смотрит на свою витрину.

— И что вы чувствуете? — тихо спросил Кайрен.

— Я чувствую себя убийцей, — сказал Феликс и уронил голову на руки.

Кайрен подождал. Потом заговорил — медленно, осторожно, взвешивая каждое слово, как ювелир взвешивает драгоценные камни.

— Знаете, — сказал он, — мне кажется, вы ошибаетесь в одном. Вы думаете, что у вас есть только два выбора. Или оставаться в своей системе и разогревать картон. Или уйти в никуда, без денег, без гарантий. Но есть и третий.

— Какой?

— Что нужно старику, у которого есть девяностолетняя закваска, но нет денег, нет рекламы, нет молодых рук и нет понимания, как продавать хлеб в двадцать первом веке? — Кайрен повертел стакан. — И что нужно молодому мастеру, у которого есть руки, знания, понимание современной торговли, немного сбережений, но нет души в работе?

Феликс медленно поднял голову. Он смотрел на Кайрена так, будто тот только что открыл ему тайну мироздания.

— Вы хотите сказать…

— Я ничего не хочу сказать, — улыбнулся Кайрен. — Я просто незнакомец в баре. Я рассуждаю вслух.

Они проговорили до закрытия. Кайрен рассказывал о пекарне Вернера — не всё, но достаточно. О закваске. О детях у задней двери. О фотографиях на стенах. О том, что Томас Вернер когда-то мечтал, чтобы его пекарню назвали «Вернер и сын», но сына у него так и не случилось. С каждым словом глаза Феликса разгорались ярче.

К полуночи он уже набрасывал на салфетке бизнес-план.

Онлайн-заказы. Доставка по утрам. Мастер-классы для детей по выходным. Хлеб на закваске по старым рецептам, которые никто больше не делает. «Настоящий хлеб с историей» — так он написал на салфетке и трижды подчеркнул.

Выйдя из бара, Кайрен поднялся к себе и долго стоял у окна. На душе у него было странно. Он соблазнил человека — по всем правилам, классически, как учили. Нашёл его тайное желание. Раздул из искры пламя. Подтолкнул к краю.

Только на этот раз за краем была не пропасть, а дорога.

Он подумал, что расскажет об этом Лиоре. Подумал, как она улыбнётся. И поймал себя на том, что ему ужасно хочется увидеть эту улыбку.

VII. Журналистка

Пока Кайрен искушал Феликса, Лиора занималась своей частью дела.

Она долго думала, как помочь, не нарушая правил. Чудеса были запрещены без согласия напарника. Видения не сработали. Но у ангелов третьего хора есть одно умение, которое не считается чудом. Они умеют замечать. Замечать, кто кому может помочь. Кто рядом с кем. Чья тропинка может случайно пересечься с чьей.

Три дня Лиора сидела за столиком у окна и наблюдала за людьми, проходившими по Мельничной улице. И на третий день увидела её.

Марта Келлер была журналисткой местной газеты «Городской вестник». Ей было около сорока. Она была растрёпанной, вечно опаздывающей, с ноутбуком под мышкой и стаканом кофе из сетевой булочной в руке. Каждое утро в половине восьмого она проходила по Мельничной улице, провожая в школу сына — серьёзного мальчика лет девяти в очках.

Лиора видела её огонёк — ярко-оранжевый, беспокойный, вечно мечущийся. Огонёк человека, который ищет что-то важное и никак не может найти. А огонёк мальчика… Лиора присмотрелась. Огонёк мальчика каждое утро вспыхивал особенно тепло, когда они проходили мимо задней двери пекарни.

На следующее утро Лиора вышла из пекарни ровно в тот момент, когда Марта с сыном проходили мимо. И уронила книгу. Прямо под ноги мальчику.

Мальчик поднял книгу и протянул ей. Лиора поблагодарила, улыбнулась. Потом сказала, будто между прочим:

— Ты ведь тоже ходишь к дяде Томасу за булками? Я видела тебя во дворе.

Мальчик покраснел и бросил испуганный взгляд на мать. Марта остановилась.

— За какими булками? — спросила она.

— Мама, я… — Мальчик замялся. — Я не беру! Я просто… Я хожу с Лизой. У Лизы мама болеет, и у них дома ничего нет. И дядя Томас даёт ей булку. А мне иногда тоже, но я отдаю Лизе. Честно.

Марта Келлер долго смотрела на сына. Потом на пекарню. Потом на Лиору.

— Расскажите мне, — сказала она.

Лиора рассказала. Не всё — только то, что видела сама. Дети у задней двери. Два года. Условный стук. Пятёрки и двойки. «Хлеб, который никто не съел, плачет».

В глазах Марты Келлер что-то загорелось — тот самый огонёк, который она так долго искала.

— Вы понимаете, — сказала она, — я пятнадцать лет пишу про открытие торговых центров и ремонт дорог. Про скандалы в мэрии. Про цены на парковку. Я уже забыла, зачем стала журналистом. — Она крепче сжала руку сына. —

А я ведь стала журналистом ради таких историй.

Она пришла в пекарню на следующий день с фотографом. Томас сначала отказывался разговаривать, хмурился, говорил, что ему нечего рассказать. Но когда Марта спросила его про отца, про деда, про закваску, он вдруг заговорил. Он говорил два часа. Хельга слушала из-за прилавка и вытирала глаза фартуком — она никогда не слышала, чтобы муж так много говорил.

Про детей у задней двери он отказался говорить наотрез.

— Это не для газеты, — сказал он. — Это просто хлеб.

Но Марта уже знала достаточно.

Статью назначили на субботний номер. Лиора узнала об этом в четверг и выдохнула с облегчением.

Она ещё не знала, что красный кружок на календаре стоял на пятнице.

VIII. Ночь с пятницы на субботу

В пятницу вечером Хельга и Анна уехали к сестре Хельги, Ингрид, в соседний город. Томас посадил их на поезд, поцеловал обеих, долго махал вслед.

Кайрену он сказал, когда вернулся:

— Сегодня можешь не ночевать в подсобке. Иди погуляй. Сходи в бар. Вот тебе. — Он сунул ему в руку смятую купюру. — Ты хорошо работал. Отдохни.

Кайрен взял деньги. Посмотрел Томасу в глаза. Томас отвёл взгляд.

— Спасибо, — сказал Кайрен. И ушёл.

Лиора ждала его на углу. Увидев его лицо, она всё поняла без слов.

— Сегодня? — спросила она.

— Сегодня, — кивнул Кайрен. — Статья выйдет завтра. А он сделает это сегодня. На одну ночь раньше.

Они стояли на тёмной улице, и Лиоре казалось, что она слышит, как тикают где-то огромные невидимые часы.

— Мы можем его остановить, — сказала она. — Ты можешь его остановить. Ты же умеешь. Скажи ему что-нибудь. Соблазни его… не знаю… выпить и уснуть. Что угодно.

— А ты можешь спеть ему ещё один сон, — сказал Кайрен. — Но это не поможет. Мы можем остановить его сегодня. А что завтра? Через неделю? Если он не поймёт сам, он

сделает это в другую ночь. Мы не можем стоять у его двери вечно.

— Тогда что?

Кайрен долго молчал. Потом сказал:

— Ему нужен не ангел и не демон. Ему нужен человек. Кто-то из его мира. Кто-то, кто скажет ему то, что он сможет услышать.

Лиора подняла голову и посмотрела на верхний этаж. Там, в угловом окне, горел слабый свет ночника.

— Роза, — прошептала она. — Роза Штайн не спит по ночам. Она говорила Хельге. У неё бессонница уже двадцать лет. Она читает до утра.

— Но она не знает, что происходит внизу.

— Не знает. — Лиора повернулась к Кайрену. — Правило номер два. Я говорю тебе заранее. Я хочу сделать одну маленькую вещь. Я не буду творить чудес. Я просто сделаю так, чтобы Роза захотела спуститься за хлебом. Чтобы ей захотелось тёплой булки посреди ночи. Это даже не чудо. Это… искушение. — Она смутилась. — Наверное, это по твоей части.

Кайрен посмотрел на неё. Его лицо в свете фонаря было очень серьёзным.

— Это хорошее искушение, — сказал он. — Делай.

Лиора закрыла глаза и запела. Совсем тихо. Не песню утешения, а что-то другое — песню о тёплом хлебе, о детстве, о запахе ванили в маминой кухне. Звук поднялся к угловому

окну и проскользнул сквозь стекло.

В три часа сорок минут ночи Томас Вернер спустился в цех. Он не включил большой свет. Только маленькую лампочку над рабочим столом. Он открыл подсобку и вытащил канистру. Поставил её на пол посреди цеха. Долго смотрел на неё.

Потом открутил крышку.

Запах бензина пополз по цеху — резкий, едкий, чужой здесь, где сто лет пахло только хлебом.

Томас взял канистру и подошёл к мешкам с мукой. Поднял её. Руки у него дрожали.

И тут сзади скрипнула дверь.

— Томас, деточка, — раздался высокий дребезжащий голос. — Ты не спишь? Мне так захотелось твоей булочки с маком, просто сил нет. Как в детстве…

Томас резко обернулся. В дверях внутренней лестницы стояла Роза Штайн — в длинной фланелевой ночной рубашке, в вязаной шали, со слуховым аппаратом в ухе и рыжим Бароном на руках. Она смотрела на него. На канистру. На лужицу бензина на полу.

И всё поняла.

Лиора и Кайрен стояли под окном цеха и смотрели сквозь стекло. Они не слышали слов. Они видели только, как старушка медленно спускается по ступенькам. Как ставит кота на пол. Как подходит к огромному седому мужчине и берёт канистру из его рук — легко, как берут игрушку у ребёнка.

Как ставит её в сторону.

Как Томас Вернер опускается на табурет и закрывает лицо руками.

Как Роза садится рядом, кладёт крошечную сухую ладонь ему на плечо и начинает говорить.

Позже, гораздо позже, Томас рассказал Хельге, о чём они говорили той ночью. Роза рассказала ему историю, которую он никогда не слышал. В шестьдесят втором году, когда Томасу было три года, его отец тоже едва не потерял пекарню. Был неурожай, мука подорожала втрое, долги росли. Отец собирался всё продать. И тогда вся Мельничная улица — сапожник, цветочница, мясник, сама Роза с покойным мужем — собрали деньги. Кто сколько мог. Принесли в конвертах. Отец Томаса плакал и не хотел брать. А Роза сказала ему: «Мы не тебе даём. Мы себе даём. Без твоего хлеба наша улица станет просто улицей».

— Ты думаешь, ты один, Томас, — сказала она. — А ты никогда не был один. Ты просто забыл спросить.

Они сидели в цеху до рассвета. Роза помогла ему вылить бензин из лужи в ведро, открыть все окна, проветрить. Потом попросила испечь ей булочку с маком. Томас испёк. Руки у него всё ещё дрожали, но тесто получилось — мягкое, послушное, как учил отец.

Когда над Мельничной улицей забрезжил рассвет, Барон спал на мешке с мукой, свернувшись рыжим клубком.

А под окном, на мокрой мостовой, сидели ангел и демон,

прислонившись спинами к старой кирпичной стене. Лиора уснула, положив голову Кайрену на плечо, — первый раз в жизни уснула по-настоящему, как люди. Кайрен не шевелился три часа, чтобы её не разбудить.

IX. Суббота

В субботу утром «Городской вестник» вышел с огромной фотографией Томаса Вернера на первой полосе. Он стоял у печи, весь в муке, и держал в руках каравай ржаного хлеба. Заголовок гласил: «Девяносто лет закваски: последняя настоящая пекарня города».

А в конце статьи, в последнем абзаце, Марта Келлер всё-таки написала о детях. Без имён, без подробностей. Только о том, что каждое утро, в половине восьмого, к задней двери пекарни приходят школьники. И о том, что пекарь говорит: хлеб, который никто не съел, плачет.

К полудню у пекарни стояла очередь.

К вечеру хлеб закончился. Томас пёк ещё и ещё, до глубокой ночи, но очередь не убывала. Люди приходили с газетой в руках. Люди спрашивали про закваску. Люди оставляли деньги в маленькой коробке, которую кто-то поставил у кассы и подписал от руки: «На хлеб для детей».

К концу недели коробка наполнилась доверху.

Хельга и Анна вернулись в понедельник и не узнали собственную пекарню. Анна плакала. Хельга смеялась. Томас ходил между ними, ошеломлённый, и всё повторял: «Я ничего не делал. Я просто пёк хлеб».

В среду в пекарню пришёл Феликс Брандт. В руках у него была папка с бизнес-планом и банка с закваской, которую он

сам вырастил ещё во Франции.

— Господин Вернер, — сказал он, и голос у него дрожал. — Я управляющий булочной на углу. Вернее, был. Сегодня утром я уволился. И я пришёл спросить… может быть, вам нужен помощник? Или партнёр? У меня есть немного денег. И я очень, очень хочу печь настоящий хлеб.

Томас долго смотрел на него. Потом на фотографию отца на стене. Потом снова на Феликса.

— Руки покажи, — сказал он.

Феликс протянул руки. Томас взял их в свои — огромные, мучные — повертел, посмотрел на мозоли, на старые ожоги от печи.

— Руки хорошие, — сказал он. — Пекарские. Заходи.

Через месяц над входом появилась новая вывеска. Старые золотые буквы «Вернер и сын» остались. Но под ними кто-то дописал свежей краской, чуть кривовато: «…и партнёр».

Долги начали медленно, но верно уменьшаться. Каждое утро в половине восьмого к задней двери по-прежнему приходили дети. Только теперь их кормили не вчерашним хлебом, а свежим. И Феликс по субботам учил их месить тесто.

Канистру с остатками бензина Томас отвёз на дачу и вылил в старый генератор. Он никогда никому о ней не рассказал — кроме Хельги, много лет спустя. И кроме Розы, которая и так всё знала.

X. Отчёт

Они писали отчёт вместе, сидя в том же кафе «Полночь», за тем же угловым столиком. Перед ними стояли две чашки капучино — с корицей, — и маленький кренделёк с солью, который Хельга передала «нашей студентке и её молодому человеку». Лиора покраснела, когда услышала это. Кайрен сделал вид, что не услышал.

Отчёт оказался самой трудной частью дела.

— «Человек спасён от греха благодаря добрым людям», — предложила Лиора.

— «Человек поддался искушению, — возразил Кайрен. — Просто другому. Он захотел жить. Это самое сильное искушение из всех, что я знаю».

— Он не поддался искушению! Он раскаялся!

— Он не раскаялся, его застукала старушка с котом.

— Его спасла любовь соседей!

— Его спас вовремя проголодавшийся пенсионер.

Они спорили час. Хозяйка кафе дважды подходила спросить, всё ли у них в порядке. Пары за соседними столиками косились на них с интересом. Наконец Лиора отложила ручку и устало потёрла глаза.

— Хорошо, — сказала она. — А что, если мы оба правы?

Кайрен замолчал на полуслове.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты нашёл ему выход. Я нашла ему людей. Ты соблазнил Феликса. Я позвала Розу. Ты прав: он захотел жить. Я права: его спасла любовь. — Она пожала плечами. — Может быть, это и есть одно и то же? Искушение жить и спасение любовью?

Кайрен смотрел на неё очень долго. Так долго, что она смутилась и опустила глаза.

— Ты очень странный ангел, — сказал он наконец.

— А ты очень странный демон.

— Это точно.

В итоге они написали: «Человеку дали выбор получше. Он его сделал сам».

Оба подписались внизу. Её подпись была лёгкой, летящей, похожей на перо. Его — резкой, угловатой, похожей на искру.

Когда отчёт ушёл наверх и вниз одновременно, Кайрен вдруг сказал, глядя в окно:

— Ты уснула у меня на плече. Тогда, под окном.

Лиора почувствовала, как у неё вспыхивают уши.

— Извини. Я не хотела. Я не знала, что ангелы могут спать.

— Не извиняйся, — сказал Кайрен. Он всё ещё не смотрел на неё. — Мне… было не тяжело.

Они помолчали. Потом Лиора протянула руку и взяла с тарелки кренделёк. Разломила его пополам. Одну половину протянула ему.

Он взял.

Это было их первое совместное дело. И первый кренделёк, разделённый на двоих.

Глава 3. Дождь над мостом

I. Дело студентки

Второе дело пришло через три дня после первого. Папка была тоньше, а печати на обложке — чуть менее аккуратными, будто их ставили в спешке.

Яна Ковальчик, двадцать три года. Студентка последнего курса факультета биологии. Дипломная работа на тему «Влияние микропластика на пресноводных ракообразных» полностью скопирована с малоизвестной диссертации, защищённой двенадцать лет назад в другом университете. Мотив: получение повышенной стипендии, необходимой для оплаты лечения матери (рассеянный склероз, прогрессирующая форма). Защита — через одиннадцать дней. Квалификация: спорно.

Лиора прочитала это вслух в кафе «Полночь» и отложила папку.

— Тут нечего обсуждать, — сказала она. — Девочка сделала это ради матери. Её надо простить.

— Простить — и что? — Кайрен откинулся на спинку стула. — Она защитит чужую работу. Получит стипендию. Через год её поймают — такие вещи всегда всплывают, особенно сейчас, когда всё проверяют программами. Её лишат ди-

плома. Может быть, отчислят. Маму будет лечить уже не на что. И главное — она будет всю жизнь жить с этим. Знаешь, что делает с человеком маленькая ложь, на которой построена вся его жизнь?

— Что?

— Отличную работу для нашего отдела, — мрачно сказал Кайрен. — Я сам таких вёл. Ложь растёт. Ей нужны новые лжи, чтобы прикрыть старые. Через десять лет такой человек врёт уже всем: мужу, детям, себе. И даже не помнит, с чего начал.

Лиора смотрела на него с удивлением.

— Ты говоришь так, будто тебе это не нравится.

— Мне не нравится скучная работа, — пожал плечами Кайрен, но слишком быстро отвёл глаза.

Они нашли Яну в университетской библиотеке. Худенькая девушка с короткими светлыми волосами и тёмными кругами под глазами сидела за дальним столом, окружённая стопками книг, и не читала ни одной. Она смотрела в окно. Её огонёк, как сразу увидела Лиора, был синим — холодным синим цветом одиночества — с серыми прожилками страха.

Кайрен сел за соседний стол с книгой о ракообразных. Лиора — за другой, с учебником по генетике. Три дня они наблюдали.

Яна приходила в библиотеку в восемь утра и уходила в десять вечера. Она переписывала скопированную работу своими словами — Лиора увидела это, проходя мимо её сто-

ла. Абзац за абзацем, страница за страницей. Будто пыталась сделать украденное хоть немного своим.

На третий вечер, когда библиотека почти опустела, Яна вдруг уронила голову на руки и заплакала. Беззвучно, вздрагивая плечами.

Лиора поднялась, чтобы подойти к ней. Кайрен поймал её за руку.

— Подожди, — шепнул он. — Дай мне.

— Что ты собираешься делать?

— Искушать. — В его глазах мелькнули золотые искры. — Ты же говорила, что я должен предупреждать заранее. Предупреждаю: сейчас я её буду искушать. Очень сильно.

Он подошёл к столу Яны и сел напротив. Положил перед ней носовой платок.

— Плохой день? — спросил он.

Яна вскинула на него заплаканные глаза. Схватила платок. Высморкалась.

— Извините, — пробормотала она. — Я уже ухожу.

— Не уходите. Я тоже пишу диплом, — соврал Кайрен с такой лёгкостью, что Лиора, сидевшая через два стола, поморщилась. — По ракообразным. Ужасная тема. Хочется всё бросить и списать у кого-нибудь.

Яна вздрогнула так, будто её ударили.

— Знаете, — продолжал Кайрен задумчиво, — я много думал о том, чтобы списать. И понял одну вещь. Самое страшное — не то, что тебя поймают. Самое страшное —

что тебя не поймают. И ты будешь жить с этим. Каждый раз, когда кто-нибудь скажет «вы же биолог», ты будешь вспоминать. Каждый раз, когда тебя похвалят. Когда тебя возьмут на работу. Когда ты будешь учить своих детей, что врать нельзя.

Яна смотрела на него широко раскрытыми глазами. По её щекам снова текли слёзы.

— Вы… вы откуда…

— А ещё я понял, — сказал Кайрен тихо, — что есть одно искушение, которое сильнее всех остальных. Знаете какое?

— Какое?

— Сказать правду. — Он улыбнулся. — Это очень страшно. И очень соблазнительно. Представьте, как будет легко потом. Ни одной лжи. Ни одного страха. Только то, что есть.

Он встал, кивнул ей и ушёл. Лиора осталась сидеть, глядя на Яну. Девушка долго сидела неподвижно. Потом достала телефон и начала печатать сообщение. Стёрла. Начала снова.

На следующее утро Яна Ковальчик пришла к своему научному руководителю — пожилой профессорше по фамилии Ласточкина, известной на весь факультет суровым характером. Она рассказала всё. Про маму. Про стипендию. Про чужую диссертацию.

Профессор Ласточкина слушала молча, сложив руки на столе. Когда Яна закончила, она долго смотрела в окно. Потом сказала:

— Защита через восемь дней. Перенести её я не могу.

Но могу попросить комиссию дать вам дополнительный семестр. Это значит, что повышенную стипендию в этом году вы не получите.

Яна опустила голову.

— Однако, — продолжила профессор, — у меня есть грант. Небольшой. Мне нужен лаборант для полевых исследований. Как раз по пресноводным ракообразным. Оплата скромная, но регулярная. — Она посмотрела на Яну поверх очков. — Если вы готовы работать по-настоящему. Своими руками. Своей головой.

Яна заплакала второй раз за два дня. Но это были совсем другие слёзы.

Лиора узнала об этом от самой Яны: та вышла из кабинета профессора, увидела в коридоре «девушку из библиотеки» и, не удержавшись, обняла её. Совершенно незнакомого человека. Просто потому, что ей нужно было кого-то обнять.

Вечером в «Полночи» Лиора долго смотрела на Кайрена.

— Ты искусил её сказать правду, — сказала она наконец.

— Я искусил её освободиться, — поправил Кайрен. — Это гораздо более сильное искушение, чем деньги. Просто его редко используют. В нашем отделе считают, что оно невыгодное.

— А почему ты его использовал?

Кайрен долго молчал, разглядывая пенку в своём капучино.

— Не знаю, — сказал он наконец. — Наверное, потому,

что ты сидела через два стола и смотрела на меня. И мне не хотелось, чтобы ты увидела что-то другое.

Лиора не нашлась, что ответить. Она уткнулась в свою чашку и молчала до самого конца вечера.

II. Город

Между делами бывали дни, когда им нечего было делать. Новые папки приходили не сразу — где-то наверху и где-то внизу их долго согласовывали, спорили, переписывали. В такие дни Лиора и Кайрен оставались в городе. Формально — чтобы «изучать человеческую среду». На самом деле — просто так.

Кайрен знал город так, как знают его только очень старые жители. Он показал Лиоре трамвай номер девять, который ходит по самому длинному маршруту — через весь город, мимо рынка, порта, старого кладбища и университета. Они проехали его от начала до конца, сидя на последнем сиденье, и Лиора прижималась носом к стеклу, как ребёнок, разглядывая всё вокруг.

— Почему ты так хорошо всё здесь знаешь? — спросила она.

— Я бывал в этом городе много раз, — ответил Кайрен. — В разные века. Видишь вон ту площадь? Там в тысяча четыреста каком-то году сжигали еретиков. Я стоял в толпе. Работал.

Лиора вздрогнула и посмотрела на него.

— Ты… искушал палачей?

— Нет. — Он смотрел в окно, и лицо его было непроницаемым. — Толпу. Я разжигал в ней ненависть. Это было

моё первое крупное задание. Я тогда был очень хорош.

Они долго молчали. Трамвай грохотал по рельсам. За окном проплывала площадь, где сейчас стоял фонтан и играли дети.

— Зачем ты мне это рассказал? — спросила наконец Лиора.

— Мы же договорились не врать, — ответил Кайрен. — Я подумал, что ты должна знать, с кем работаешь. Не только кофе с корицей и шарфы.

Лиора смотрела на его профиль. На резкую линию скулы. На тёмные волосы, падающие на лоб. На руки, сжатые на коленях так крепко, что побелели костяшки.

Она медленно протянула руку и положила свою ладонь на его.

— Спасибо, — сказала она. — За правду.

Он не убрал руку. Они проехали так ещё три остановки.

В другой день Кайрен научил её есть мороженое. Оказалось, что это целое искусство: его нельзя кусать, его надо слизывать, иначе заболят зубы. Лиора не поверила и откусила. Зубы заболели. Кайрен смеялся так, что на них оглядывались прохожие.

Зато Лиора научила его замечать.

Они сидели на скамейке в городском парке, и она показывала ему людей.

— Видишь того мужчину в сером костюме? Он только что вышел из больницы. Посмотри, как он держит телефон. Он

не может решить, кому позвонить первым — жене или матери. У него хорошие новости. Видишь, как у него дрожит подбородок?

Кайрен смотрел. Он видел мужчину в костюме сотни раз — таких мужчин, в таких костюмах. Он умел определить, чего такой человек хочет: денег, власти, женщин, признания. Но никогда раньше не видел, как дрожит подбородок у человека, который получил хорошие новости.

— А вон та девочка на качелях, — продолжала Лиора. — Видишь, она всё время оглядывается на скамейку у входа? Там сидит её папа. Он не смотрит на неё — он в телефоне. А она раскачивается всё выше и выше. Ей хочется, чтобы он посмотрел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.